

читайте в серии:

① **ТАНЕЦ С ДЬЯВОЛОМ**

② **ТАНЕЦ С ДЬЯВОЛОМ**

расплата

САРА АДАМ

танцу
с

ДЬЯВОЛОМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А28

Редактор серии
Светлана Ленкова

Художественное оформление серии
Янины Клыга

Иллюстрации на наклейках
Hannah Dark

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Oleksandra Klestova / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com /

FOTODOM

Адам, Сара.

А28 Танец с дьяволом. Расплата : роман / Сара Адам. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-211187-7

Ради спасения младшего брата мне пришлось вернуться на родину. В России я тут же попала в лапы бывшего жениха, который разыскивал меня по всему миру долгие месяцы.

Правда за время бегства я успела выйти замуж за другого — босса нью-йоркской мафии Артема Князева. Но теперь он считает меня лживой предательницей...

Получится ли у меня сбежать на этот раз? Или придется забыть любимого мужчину и похоронить чувства к нему?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сара Адам, текст, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211187-7

ГЛАВА 1

*Молодость не вечна,
и любовь не вечна.*

Моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Оборачиваясь назад, сейчас я понимаю, что все сделала правильно. Так должно было быть. Так было суждено. А от судьбы, как известно, не уйдешь.

Жалею ли я? Нет. Однозначно нет. Ведь теперь моя семья в безопасности, и им ничего не угрожает.

* * *

Звонкая пощечина отдает гулом в ушах, а кожа начинает нещадно саднить в месте удара, распалая внутри меня всепоглощающую злость. Уверена, теперь останется красный след, но мне абсолютно наплевать на свой внешний вид. На душе щемящая пустота, а в груди ясно ощущается зияющая дыра, которую нельзя увидеть, но можно ощутить, если залезть в мою шкуру. От прежней Сары осталось только тело, оболочка без прежней души и сердца, только оголенный комок нервов.

ТАНЕЦ С ДЬЯВОЛОМ. РАСПЛАТА

Все кончено. Моя жизнь кончена.

Пожалуй, эгоистично думать о собственной свободе, когда невинный младший брат оказался заложником бесчестного подонка, без сомнения, по моей вине... и за это я ненавижу себя еще больше.

Но я прилетела. Вернулась в логово монстра и свой персональный ад ради Миши и его безопасности. Олег перешел грань, но больше я не позволю, чтобы семья страдала и расплачивалась за мои грехи! Только я в ответе за побег и кражу денег, добытых таким же нечестным путем. Пусть Багровский наказывает меня, а не родителей и единственного брата.

— Потаскуха! — Омерзительные жилистые пальцы сжимают мой подбородок, заставляя смотреть в глаза цвета болота; дергаюсь, пытаюсь вырваться, но сзади подходят двое шавок Олега и удерживают меня на месте за плечи по обеим сторонам, не давая даже шелохнуться. Это его любимый способ показать свое превосходство, продемонстрировать доминирование над теми, кто слабее. Челюсть нещадно сводит, но я не показываю боль, чтобы не доставлять удовольствие всем собравшимся на прилюдную поимку и казнь беглянки.

— Ну так отвали от меня, оставь в покое! Зачем ты гонялся за потаскухой все это время? — сквозь боль в челюсти произношу с полным омерзением во взгляде.

— Э, нет, не все так просто, Сарусь! Теперь-то ты у меня за все ответишь! За каждый день, что я потратил на поиски! За каждую украденную копейку! За каждую минуту, проведенную в думах о тебе!

Олег выглядит как обезумевший маньяк. Несостоявшийся жених, которому отец проиграл меня в карты, решил не откладывать, а отыграт-ся за дерзкий побег сполна, сразу же, как только шавки доставили горе-невесту к нему из аэро-порта, где схватили.

Только к этому моменту я уже стала женой другого...

«Бывшей женой! Бывшей!» — шипит внутрен-ний голос, от чего по телу раскатывается волна раскаленной лавы, как бы отрицая.

Разум я приручила, долбила в свою голо-ву за часы полета, что Артем — прошлое, его больше нет в моей жизни. Все кончено. Но тело... тело до сих пор помнит дерзкого брюнета, ко-торый не знает отказа и смог приручить меня, как уличную собачонку, а затем так же быстро, как подобрал, так и променял на другую, более породистую.

— Где Миша?! Отпусти его, я приехала. Игры закончились. — Мой голос звучит холоднее льда, я игнорирую всех присутствующих. Мои глаза не моргают, а смотрят в упор на ненавистного чело-века, рушащего мою жизнь во второй раз.

«Артем разрушил ее еще раньше, когда выбрал Деллу, а не тебя, и ушел», — снова встречается голос разума.

— Оба-на! Игры закончились, говорит! Слы-хали, че толкует, мужики? — обращается к своим шохам, глядя поверх моей головы. Позади слы-шится насмешливое хмыканье местных бандю-ков. — Нет, принцесска, все только начинается!

— Отпусти. Моего. Брата! — злобно цежу сквозь зубы каждое слово, когда Багровский от-пускает меня и отступает на два шага назад, огля-

САРА АДАМ

дивая плотоядным взглядом с головы до ног, от которого к горлу подкатывает тошнота.

— Не впутывай ребенка, он ни при чем, — перехожу на повышенный тон, когда ублюдок не отвечает, а только ухмыляется.

— Приведите щенка, — отдает приказ, а у меня из груди будто воздух весь выбивают от злости перемешку со страхом и волнением.

Я не видела Мишу много месяцев, но сейчас меня охватывает непонятное чувство от того, что я не знаю, в каком состоянии братишка из-за заключения у ублюдка. Тело слегка шатает от слабости и обезвоживания после долгой дороги и мучительных часов полета, во время которых я себя изводила.

«Ты сама виновата, сбежала и подставила брата. Разозлила монстра, а теперь заплатишься за все месяцы сполна. Стоило оно того?

Стоило. Только ради него одного и стоило».

Грудь сдавливает болью, но не физической, а хуже, намного хуже. Чувствую, что буква «А» будет всю жизнь гореть внутри меня, не отпуская. Сбылся мой самый большой страх: быть рядом с одним мужчиной, а думать о том, кто недосыгаем. Смогу ли я когда-нибудь забыть Артема, отпустить его и... разлюбить?

Теперь-то я понимаю, что на все воля Божья. Мой выкидыш был неспроста. Что, если бы я сейчас была беременна? Смогла бы сохранить ребенка на еще большем сроке из-за такого стресса?.. Даже если бы не звонок Олега, Артем поставил жирную точку в наших отношениях, когда ушел. Я бы осталась одна с ребенком на руках?

— Я думал, буду твоим первым мужчиной, так тщательно оберегал, никого на пушечный выстрел

не подпускал к своей девочке. — Больной убудок начинает обходить меня по кругу медленно, размеренно, словно хищник вокруг своей жертвы перед тем, как разорвать ее в клочья и съесть. — Но ты все испортила, шалава. Умудрилась хахаля себе подцепить, замуж за него выскочить. Только вот где он сейчас? Что-то я не вижу его! Сарусь? Где ебарь-то твой? — Неприятный шлейф резкого парфюма ударяет в нос от каждого движения Олега.

Почему они так долго ведут Мишу?

— Голова от тебя кружится. И тошнит. Завязывая свой цирк! — Морщю нос, стараясь не дышать. Упоминание об Артеме — словно ножом по нервным окончаниям, но я не подаю виду. Не здесь и не им.

Сердце, не прекращая, обливается кровью от воспоминания о черных глазах, крепких руках, сжимавших меня в своих объятиях, и губах, невыносимо мягких, которые часто произносили: «Лиса. Моя Лиса».

— Сара! — Голос брата разносится эхом на весь холл, где развернулась киношная картина, которую закатил этот неадекват. Подростка вводят под конвоем, как будто он рецидивист и может сбежать.

— Миш! Отпустите его, суки! — Какая ирония: кричу, чтобы отпустили брата, в то время как саму меня удерживают два одинаковых амбала!

— Сара, зачем ты приехала?! — Братишка вырывается, смотря на меня как на умалишенную. — Зачем, блин?!

— Где ты таких словечек набралась, золотая моя? — Олег лениво оборачивается назад, кивком приказывая подвести Мишу ближе.

— Я тебе и не такое выдам, если ты не отпустишь моего брата! — Внутри меня слетают все

предохранители от одного только вида исхудавшего тела мальчишки. — Кем ты себя возомнил?! Вершителю судеб, а?! Какое право ты имеешь впутывать сюда ребенка? Кто ты такой, чтобы рушить мою жизнь?! Я не твоя собственность и не вещь! — Истерика — то самое слово, которое идеально описывает мое состояние в данный момент. Я как собака, сорвавшаяся с цепи, пытаюсь вырваться из захвата, брыкаясь.

«Зря, Сара, ой, зря!»

— Мишань, тебе не кажется, что Сарка у нас нервная стала чуток? — Багровский опускает руку на затылок с густыми и темными волосами подведенного мальчишки, тот стискивает челюсти в оскале, когда грубая лапища Олега сжимает копну в кулак, заставляя брата запрокинуть голову назад. — Я ж могу свернуть ему шею прямо сейчас. Ты, походу, в Нью-Йорках своих совсем берега попутала.

— Тронешь его, и я перегрызу твою глотку! — шиплю вибрирующим от гнева голосом. Руки, сжимающие меня, не ослабляют хватку ни на секунду.

После сказанных слов Олег отступает, и я, можно сказать, на какую-то долю секунды думаю, что он услышал мои слова, однако моральный урод произносит:

— А че мне руки марать о вас, выродков? Для этого есть обученные люди. — В подтверждение сказанного один из подонков несколько раз с силой бьет Мишу по лицу кулаком, и тот обмякает как тряпичная кукла, теряя сознание.

— Нет! Миша! Миша! — Мой визг заполняет все пространство криком боли, когда я вижу, как потерявшего сознание брата с разбитым в кровь

лицом уволокивают в неизвестном мне направлении, скрываясь в многочисленных коридорах особняка.

— Доходчиво? — Довольный собой улюдок с чувством собственного превосходства подходит, можно сказать, вплотную.

— Ты — гниль! Черт в человеческом обличье, падаль! — Смачный плевок летит из моего рта прямо на лицо Олега. Несколько раз моргнув, осознаю, что я действительно это сделала.

Словно не веря в произошедшее, он проводит рукой по своей холеной роже, вытирая слюну.

— Ты, шваль, видимо, забыла, с кем дело имеешь! — Олег замахивается и безжалостно проходится кулаком по моей челюсти, словно перед ним мужчина. Всю правую часть лица сводит в невыносимой острой боли, а рот заполняется теплой солоноватой жидкостью. Держащие меня бугаи как по команде отпускают и отступают. Не удержав равновесия, я валюсь на бок, ударяясь бедром, ладони инстинктивно упираются в кафель. Отдышавшись, приподнимаюсь и оказываюсь перед Багровским на четвереньках. — Ниче, я тебя научу, как с мужчиной себя вести надо! Целуй! — Лакированный носок туфли оказывается прямо перед моим лицом.

Моя опущенная голова болтается, а волосы со всех сторон прикрывают лицо, поэтому подонки не видят, какая злобная улыбка появляется на моих окровавленных губах. Улыбка человека, который потерял все, что только можно.

— Поцелуй. Мой. Зад! — Тяжело дыша, собираю во рту жидкость и плюю уже на ногу уроды. Кровь летит брызгами на идеально начищенный ботинок, темную штанину и светлый пол.

— Ну, шалава, ну, пиздец тебе! — Олег наклоняется, хватая меня за волосы, и стягивает их на затылке. Я бесстрашно бросаю на него взгляд, полный омерзения, но он делает это для того, чтобы со всей силы снова швырнуть меня на кафель. Голова ударяется, точно по заказу, тупая боль мгновенно распространяется по височной части и отдает импульсами во все тело.

Но Багровскому мало, он не наигрался со своей жертвой. Не сдерживаясь, он замахивается и начинает наносить удары ногами по моему животу, груди, голове, которую я успеваю прикрыть руками.

Я лежу в позе эмбриона, пока Олег, не стесняясь в выражениях, пинает меня. Но я упорно и достойно молчу. Не показываю свою слабость. Даже писк не вырывается из моего рта из-за плотно стиснутых зубов. Только слезы стекают из крепко закрытых глаз, пока моя голова упирается лбом в холодный пол.

«Терпи. Терпи. Терпи. Держись ради брата, только ты сможешь освободить его — из рук этого монстра».

Я представляю, что вместо мощных и болезненных ударов по почкам меня касаются руки мужа... бывшего мужа... и я слышу его шелестящий голос.

Только Артем выбрал другую. Адалин.

Наши пути навсегда разошлись, и от этой мысли становится в разы больнее...

— Оттарабаньте ее, на хуй с моих глаз! — последнее, что я слышу, прежде чем темнота закрытых глаз превращается в более объемную и всепоглощающую, где нет боли, прокуренного голоса и сбитого дыхания нависающего сверху ублюдка.

Но так просто мне не дают побыть в забытьи, где нет проблем: Олег не терроризирует мою семью, Миша цел и здоров, а Артем не предавал меня, уйдя к другой женщине.

Чувство промозглости усиливается, когда ощущаю, как на меня выливается нечто ледяное, заставляя взвизгнуть от холода и распахнуть глаза, что сделать оказывается не так просто.

Еле разлепив веки, мне приходится несколько раз проморгаться, прежде чем привыкнуть к полутьме помещения. Тело трясет в ознобе, а зубы стучат друг о друга из-за жуткого холода в подвале, где я лежу на полу на голом заляпанном матрасе. Дрожащей рукой вытираю с лица и волос воду, которую на меня вылили. В каждой клеточке моего тела ощущается невыносимая боль после побоев Багровского. Взгляд падает на поднятую руку, где уже красуются красные следы синяков, что совсем скоро превратятся в лиловые. Дышать полной грудью не дает покалывание в области ребер.

— У-ур-род! — цежу, заикаясь, пересохшими губами и хриплю от гнева вперемешку с дрожью, сжимая руки в кулаки, которые чешутся проехать по надменной роже одного из шавок Олега. — Д-да я тебя с-сейчас! — Пытаюсь приподняться на локтях, но сделать это не так просто, когда твои силы абсолютно на нуле и ты не можешь нормально управлять своим избитым телом.

— Олег Дмитрич указание дал, если начнешь нарываться, нагнуть и пустить тебя по кругу, — изрекает грубым голосом бугай со шрамом, растянувшимся от глаза до самой шеи, а я замираю, на несколько секунд переставая дышать. — Ну,

вставай, че как статуя? Такую строптивую поиметь вдвойне приятно будет! — Он расплывается в омерзительной до тошноты желтозубой улыбке.

Поджав под себя ноги, отползаю, прижимаясь спиной к обшарпанной стене, и бросаю злобный взгляд на шраμισтого.

— Че надо? — Несмотря на опасения быть изнасилованной этой шайкой, я не могу сдерживать себя полностью и задаю волнующие душу вопросы.

— Чтоб жизнь малиной после Америки твоей загнивающей не казалась. — Он бросает на меня презрительный взгляд, как на самое отвратительное создание на свете, и разворачивается к выходу.

— Где мой брат?! Что вы с ним сделали, твари?! — Мой голос набирает обороты всепоглощающего гнева, тормоза отказывают.

— Будь лапочкой, завали ебало! Твой паршивый акцент вызывает желание ебнуть по роже! — не оборачиваясь, говорит шраμισтый и, открыв скрипящую металлическую дверь, выходит наружу, а я остаюсь одна — избитая, голодная, в холоде и страшной неизвестности, что ждет брата и меня впереди после такого «радушного» приема.

Ну зачем ты сама нарывалась?! Нужно было вести себя тихо, соглашаться на все ради Миши. Тогда бы он не пострадал и, возможно, уже был дома. Я только усугубила ситуацию, разозлила Багровского еще больше. Кому нужна твоя гордость и буйный характер, который приносит только беды? О себе не думаешь, так хотя бы ради брата постарайся быть тише! Я мысленно ругаю себя до тех пор, пока глаза не начинают слипаться от отсутствия сна на протяжении долгих часов.

Продолжая сидеть в том же положении, прижавшись к стене, клюю носом, балансируя на грани сна и яви. Все тело ломит, но вскоре наливается свинцом, Господи, как хочется закрыть глаза и очнуться в теплой постели, дома, в детстве, где не было всего этого кошмара! Хочется, чтобы мамочка обняла и приласкала, погладила мягкими руками по голове, сказала, что все будет хорошо.

Набирающий обороты шум за дверью прерывает мои фантазии, заставляя меня встрепенуться и подобраться. Звук непрекращающейся пальбы вызывает сначала дикий ужас, а затем надежду. Это могут быть враги Олега, ворвавшиеся в дом и решившие устроить расправу. Может быть, они нас с братом отпустят? Не тронут?

А что, если... это Артем прилетел следом за мной? Он мог следить за камерами в квартире, поэтому так скоро нагнал меня. Он вытащит нас с Мишей из этого ада! Мои руки дрожат, а в глазах собираются слезы от жуткого волнения, страха, предвкушения и страшной неизвестности, кто войдет в подвал.

Нет, не может быть!

Я до последнего сомневаюсь, пока тяжелая дверь не распаивается и в проеме не появляется *он* — мужчина, которому я отдала свое сердце, как бы сильно этому ни сопротивлялась и ни лгала даже самой себе.

Из глаз миглом начинают течь слезы, когда я смотрю на гневное лицо мужа, который пришел спасать меня, несмотря на то, что я лгала ему месяцами и скрывала правду. Князев тяжело дышит, сканируя взглядом комнату на наличие третьих лиц.

— Артем, у него Миша, мой брат. Они вырубили его, — еле шевеля дрожащими губами, умо-

